

Варфоломеева И. В., Кулемина К. В.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПЕРФЕКТНЫХ ФОРМ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/11.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 32-34. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

факт, что в языковой системе имеется «уровень» оформляющего [Вакуленко 1990], можно предположить, что этот уровень по своим свойствам сродни, с одной стороны, семантическому уровню, а с другой - гиперсинтаксическому. В подтверждение этой точки зрения, можно привести следующие доводы:

- элементы формального уровня присущи практически каждому полноценному, осмысленному тексту;
- в формализации может превалировать либо элементная, либо связующая природа;
- формализующие элементы подчиняются основным законам устройства связного текста (связности; антагонизма между линейной организацией текста и его гиперсинтаксической и смысловой структурой; вторичности смысла; сокращения (экономии); избыточности) [Откупщикова 1982];
- формализм характеризуется функцией креативности;
- устному тексту так же, как и письменному, присущи элементы формализмов, например, «внешнее» сопровождение высказывания, которое, в случае отсутствия, часто воспроизводится описанием или как-то иначе. (Приведенные примеры «непривычны» для характеристики языковой системы; более привычными могут служить формальные признаки образования временных форм (например, позиция смыслового глагола) и т.п., которые достаточно очевидно свидетельствуют об оформляющем начале языка, не говоря уже о том, что язык как средство общения есть оформляющее явление по своему замыслу).

При разработке формализмов для презентации материала рекомендуется выбирать такие элементы формализации, которые наиболее ярко выделяют формальные составляющие языковой системы, а также являются наиболее «знаковыми» для обучающихся (в соответствии с профильностью учебного заведения), или такие элементы, содержание которых легко восстанавливается, запоминается соответствующим контингентом учащихся. Желательно для каждого явления иметь несколько вариантов формальной презентации, чтобы обеспечить обучающимся выбор. Полезно объединять отдельные формализмы в более сложные одним из способов формализации - алгоритмизацией, суть которой - управление процессом: переходом от этапа к этапу. Алгоритм уже давно считается основой для реализации «спонтанной оптимизирующей активности учащихся», «оптимизирующей саморегуляции» [Методика 1978: 48].

Несмотря на то, что многие преподаватели мало обращаются к формальному методу, он имеет достаточно высокую оценку по эффективности использования в области преподавания иностранных языков. Одной из причин такой оценки является то, что осознанное, последовательное применение принципа формализации (как в учебниках, так и на занятиях) выявляет ту минимальную «связь», которая является носителем большого содержания (часто выводящего на другие связи и информацию) и овладение которой дает возможность опираться на собственный интеллект и знания о языке, снимает барьеры в понимании как через логику, так и собственно презентацию информации.

Психологические исследования применения принципа «наглядности» (в виде схем, моделей и т.п.) выделяют восемь групп требований к материалу [Салмина: 258-272]. Почти все эксперименты с материалом обнаруживают высокую продуктивность графического и символического представлений [Каган 1981; Алгоритмизация 1987].

Однако нельзя забывать, что не сам метод в обучении определяет эффективность усвоения материала. На занятии «встречаются» в коммуникации предмет, метод, преподаватель и обучающийся. Истинную ценность процесса обучения, а значит и метода, и преподавателя определяют, как это ни парадоксально звучит, возможность «превзойти» рамки коммуникации и «степень удаления» от нее (выход из нее в общение - немотивированное собственно информацией) [Вакуленко 2001].

Список использованной литературы

1. **Алгоритмизация и основы программирования.** - М.: Высшая школа, 1987.
2. **Вакуленко Н. С.** Обучение - общение или коммуникация? / Лингводидактические проблемы обучения иностранным языкам. - СПб.: Издательство СПбГУ, 2001. - С. 32-44.
3. **Вакуленко Н. С.** Элементы формализации в дидактике / Герценовские чтения. Иностранные языки: Материалы конференции (12-14 мая 1998 г.). - СПб.: Изд. РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. - С. 169-170.
4. **Вакуленко Н. С.** Метод иерархических триад как средство обоснования формального подхода в прикладной лингвистике: Автореф. на соиск. ученой степени кандидата филологических наук. - Л.: ЛГУ, 1990.
5. **Каган В. М., Ламм В. Я.** От схемы к знаниям. - Иркутск: Восточно-сибирское книжное издательство, 1981.
6. **Методика разработки и применения обучающих программ по языкам в школе и вузе.** - М.: ЦС пед. о-ва РСФСР, 1978.
7. **Откупщикова М. И.** Синтаксис связного текста. - Л.: ЛГУ, 1982.
8. **Салмина Н. Г.** Знак и символ в обучении. - М.: МГУ, 1988.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПЕРФЕКТНЫХ ФОРМ

*Варфоломеева И. В., Кулемина К. В.
Астраханский государственный технический университет*

Высокая степень грамматизации и полная парадигматизация перфекта в современном английском языке не вызывает никаких сомнений: перфект - идеальная аналитическая форма, образующая в противопоставлении с неперфектными формами категорию временной отнесенности. Однако у историков нет единого мне-

ния по поводу времени образования аналитической формы перфекта и становления новой категории. Так, некоторые лингвисты полагают, что формы перфекта в современном понимании уже полностью сложились в древнеанглийский период. Одни датируют становление перфекта в его современном значении XI веком, другие называют период XII-XIII вв. Ряд лингвистов относит окончательное структурное и семантическое формирование перфекта к еще более поздним периодам развития английского языка.

Опишем сначала процесс грамматизации перфекта и становление его структурной модели. Поскольку для среднеанглийского периода вопрос о согласовании причастия с дополнением отпадает, то речь может идти о двух моментах: о выборе и десемантизации вспомогательного глагола и о порядке расположения дополнения и причастия.

К концу XIV века, по сравнению с древнеанглийским периодом, перфектные конструкции далеко продвинулись по пути грамматизации. Важным сдвигом было окончательное включение в модель перфекта вспомогательного глагола *ben*, которое помогло расширению лексического охвата - образованию перфекта от непереходных глаголов. Дополнительная дистрибуция постепенно сменяется свободным чередованием *ben* и *haven*, которое свидетельствует об их полной десемантизации. В среднеанглийском не только *have* стал чаще образовывать перфект от непереходных глаголов, но и *be* стал встречаться с переходными глаголами.

Отмечены замены *ben* глаголом *haven* в более поздних рукописях одного и того же памятника и чередование вспомогательных глаголов с одним и тем же глаголом у Чосера. Постепенно *be* ограничивается глаголами движения; при этом, как и их древнеанглийские прототипы, эти конструкции могли обозначать состояние после завершения действия: не столько «пришел», сколько «находился там, придя».

Спустя три века в языке Шекспира употребление *be* с глаголами движения еще является правилом, но *have* тоже возможно. Но, в общем, конструкции с *be* так и остались как бы на периферии перфекта; сначала они были тем средством, с помощью которого в перфект включились непереходные глаголы, но, выполнив эту задачу, стали вновь «уходить» из перфекта.

Разнообразие текстового материала в XVII-XVIII вв. дает возможность обнаружить некоторые различия в употреблении вспомогательных глаголов в разных стилях: *be* становится принадлежностью литературного письменного языка, более высоких стилей речи, тогда как в разговорном языке он ограничивается глаголами *come* и *go*. Именно через сужение сферы употребления в языковом пространстве *be* как вспомогательный глагол полностью выходит из системы перфекта.

Что касается расположения компонентов, то уже у Шекспира, даже несмотря на требования ритма, причастие обычно занимает то место, которое ему свойственно в современных формах перфекта:

I am glad, I have found this napkin (Sh. Oth. III, 3).

Thus have I, Wall, my part discharged so (Sh. M.D., V, 1).

Вхождение перфекта в парадигму и образование новой глагольной категории - временной отнесенности - произошло не ранее эпохи Шекспира. Для парадигматизации важны, по крайней мере, еще два признака: более широкий грамматический охват и, главное, приобретение своего специфического семантического инварианта, основного значения, которое стало бы его категориальным дифференциальным признаком. Грамматический охват формы расширяется в течение всего среднеанглийского периода. Модель *have* + причастие прошедшего времени проникает во все участки развивающейся глагольной системы: зарегистрирован перфект в страдательном залоге, в длительном виде, в формах инфинитива, входящих в разные сочетания с модальными глаголами, в формах сослагательного наклонения.

Что касается семантики новой аналитической формы, то в среднеанглийском она остается в основном такой же, как и в древнеанглийском; сдвиги относительно невелики. Анализ некоторыми лингвистами произведений Чосера показал, что «законченность» по-прежнему определяла выбор перфекта более чем время действия и что «предшествование» ситуации в прошлом или в настоящем присутствует далеко не всегда. Перфект настоящего времени, наряду с перфектом прошедшего и простым прошедшим, может употребляться в тех случаях, когда имеется явная привязанность действия к прошлому:

“And right anon she for hir conseil sente,
And they been come to knowe what she mente”;

когда действие входит в ряд других прошедших действий:

“He was war of me, how y stood before hym and did of myn hood,
And had ygret hym as I best koude”;

и когда оно предшествует другому действию в прошлом:

“A certain tresor that she thider ladde, and, sooth to seyn, vitaille greet plentee. They han hire yeven, and clothes eek she hadde...”

С другой стороны, значения, характерные для современного перфекта, часто передаются формой простого прошедшего - предшествованием прошедшему, непривязанностью к прошлому моменту, соотносительностью с ситуацией в настоящем:

“So vertuous a lyvere in my lyf ne saugh I never as she, ne herde of mo,
Of wordly wommen, mayde, ne of wyf”.

Историки отмечают тот факт, что многие древнеанглийские средства обозначения завершенности и предшествования к этому времени перестали существовать: вышли из употребления многие лексические единицы с этим значением и распалась древнеанглийская система глагольной префиксации. Возможно, их

утрата повысила роль перфекта как более универсального и грамматизованного средства выражения законченности действия и способствовала его распространению. В литературе отмечается обилие перфектных форм в северных диалектах, где разрушение префиксации шло ускоренными темпами под влиянием смешения со скандинавскими говорами. Это может свидетельствовать об определенной связи этих явлений - о возможной компенсации утрат одного уровня средствами другого, но связь эту нельзя преувеличивать.

Можно заметить, что в среднеанглийский период перфектным формам, с одной стороны, было свойственно полусвободное варьирование с неперфектными формами, подобное имевшемуся в древнеанглийском, с другой - у них появилось собственное, специфическое назначение - выражать предшествующее действие, соотношенное с последующей ситуацией и не прикрепленное к какой-либо временной точке в прошлом. По-видимому, в среднеанглийском между рядами перфектных и неперфектных форм существовали два варианта отношений: одна оппозиция проходила по категории времени, причем в сфере прошедшего, как и раньше, было несколько синонимических форм - претерит, перфект прошедшего и настоящего времени - с разными дополнительными семами: законченность, предшествование, соотношенность с последующей ситуацией, действие в ряду последовательных прошлых действий, постоянный признак и т.д. Новая категориальная оппозиция, представленная пока еще вариантами значений и сосуществующая с оппозицией по времени - это оппозиция по временной отнесенности. В XIV в. эти два варианта глагольной системы сосуществуют, что и проявляется в семантическом варьировании форм, с преобладанием первого варианта. В XVI-XVII вв. в произведениях В. Шекспира и его современников употребление перфектных форм заметно изменилось. Из двух вариантов системы оппозиций господствует второй.

Списки значений, приписываемые перфекту настоящего времени в ранненовоанглийском с глаголами разной семантики, в общем, соответствуют современным. Перфект прошедшего времени - значительно более редкая форма у Шекспира - тоже может передавать свойственные ему сейчас значения: "The day had broke before we parted."

Большая, по сравнению с современным, свобода варьирования перфектных и неперфектных форм во времена Шекспира и даже их некоторая взаимозаменяемость отражает характерные черты формирующегося литературного языка того времени и специфику языковой ситуации. Общеизвестно, что литературный язык эпохи Шекспира отличался широким диапазоном варьирования на всех лингвистических уровнях, включая грамматический.

Таким образом, можно считать, что аналитическая форма перфекта сложилась к XIV веку, то есть завершилась ее грамматизация, а новая глагольная категория, которая возникла в процессе парадигматизации перфекта, сформировалась во времена Шекспира. Нормы употребления этих форм стали более строгими в XVII-XVIII вв. когда улучшение и исправление языка стало заботой многих филологов и грамматистов.

Список использованной литературы

1. Бархударов Л. С., Штелинг Д. А. Грамматика английского языка. - М.: Высшая школа, 1973. - 384 с.
2. Есперсен О. Философия грамматики. - М.: Издательство иностранной литературы, 1958. - 400 с.
3. Ильиш Б.А. История английского языка. - М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. - 368 с.
4. Мейе А. Основные особенности германской группы языков. - М.: УРСС, 2003. - 168 с.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА Л. И. БОРОДИНА

Васильева Т. И.

Магнитогорский государственный университет

В конце XX века в русской литературе появилось огромное количество произведений, носящих исповедально-биографический характер: мемуары А.И. Солженицына «Угодило зернышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания», «Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни», повесть А.А. Кима «Мое прошлое», мемуары С.Ю. Куняева «Поэзия. Судьба. Россия». Такое обращение к своему прошлому закономерно, ибо рубеж веков, уже стабилизирующиеся процессы в политике, экономике и общественной жизни России, позволили целостно осмыслить художникам уходящую эпоху, определив и свое место в ней, тем более что возраст названных авторов предполагает определенное подведение итогов жизни. Хотя появляются автобиографии и достаточно молодых писателей (например, Р. Сенчина, В. Попова), призванные скорее показать собственную уникальность, значимость в современной литературе, чем раскрыть историю становления своей души и дать анализ «своего» времени.

На автобиографичность прозы автора старшего поколения Л.И. Бородина не раз обращали внимание в своих исследованиях И. Штокман, Т. Рябова, Л. Нестерова. Практически в каждом произведении писателя обнаруживаются герои, наделенные авторскими чертами, события, связанные с теми, что пережил сам художник. Во многих текстах исповедальность усиливается за счет монособъектности повествования центральным персонажем, близким по своему мироощущению автору. В последние же десятилетия Л.И. Бородин напрямую обращается к мемуарным жанрам, осмысливая свою судьбу, судьбу своего поколения, Родины.

Первое автобиографическое повествование «Перечитывая норильский дневник» (1994) в четырех частях рассказывает о жизни писателя в 1950-е годы. Предваряет «Норильский дневник» предисловие о том, что из